

Наталья Дровалева (Москва)

Обсуждение постановки «Мертвых душ» в Художественном театре. Непонятый Белый

Natalia Drovaleva (Moscow)

The Discussion on “The Dead Souls” in the Moscow Art Theatre. Bely Misunderstood

Резюме. Премьера спектакля МХАТа «Мертвые души», состоявшаяся 28 ноября 1932 г., положила начало дискуссии в нескольких институтах, в том числе и во Всеросскомдраме. Выступление А. Белого стало центральным моментом на обсуждении спектакля 15 января 1933 г. После появления статьи, отражавшей основные идеи доклада, прошли прения по докладу Белого. Мнения Белого на выступлениях и в обсуждении имели несомненный резонанс, как и на обсуждении постановки «Ревизора» в конце 1926 г. Однако к началу 1933 г. политическая ситуация в стране изменилась, что сказалось на отношении и к докладу, и к самому Белому, которому были брошены обвинения в эстетствующем формализме и завышенных требованиях к постановке Художественного театра. Ответные реплики и «заключительное слово Андрея Белого» превратились в оправдательную речь, однако, несмотря на напряженную атмосферу и упреки, которые сопровождали доклад, Белый смог ухватиться за возможность участвовать в литературном процесс, будучи членом Всеросскомдрама.

Ключевые слова. Андрей Белый, Гоголь, МХАТ, Всеросскомдрам, доклад, прения.

Abstract. The Moscow Art Theatre’s (MAT) play of “The Dead Souls” premiered on November 28, 1932 and caused heated debates in several institutions, including the Vseroskomdram. A. Bely’s speech became the center point of the discussion of the play in Vseroskomdram on January 15, 1933. After an article which

reflected all the key points of Bely's speech was published, a debate on the speech itself took place. Bely's opinions that he stated during his speeches and discussions undoubtedly resonated with the audience, just as it was in the 1926, after "The Government Inspector" had been staged. However, by the start of 1933 the political situation in the country changed, and it affected both the speech and Bely himself, who was accused of aesthetic formalism and presenting unrealistic demands to the MAT's play. His response and the "conclusion by Andrey Bely" turned into excuses, however, despite the strained atmosphere and the reproaches said during the discussion of the speech, thanks to his membership in the Vserosskomdram Bely was presented with the opportunity to take part in the literary process, which he readily seized.

Keywords. Andrey Bely, Gogol, the Moscow Art Theatre (MAT), the Vserosskomdram, speech, debate.

В 1931 г. произошел арест всех антропософов из окружения Андрея Белого, включая К. Н. Васильеву, его будущую жену [см.: Малмстад 1993]. Белый остался на свободе, но его печатная машинка, а также документы и рабочие материалы были изъяты. Писатель приложил огромные усилия для того, чтобы освободить Васильеву. Она была «освобождена из места заключения ОГПУ» 3 июля 1931 г., причем с подпиской о невыезде [РГБ. Ф. 25. Карт. 39: 6—7.]. После регистрации брака с Васильевой 21 августа 1931 г. Белый пишет о появившейся возможности уехать в Детское Село:

Звонились много раз с Санниковым в Обл-ОГПУ. Ни дозвониться, ни толком что-либо узнать путем звонков невозможно.

Против рожна не поперешь.

Остается больным, полуограбленным (отняли мою машинку и не дают назад), без денег, без милой возвращаться в Детское, чтобы сохранить ей помещение.

Я, кажется, с ума сойду: чувствую, как все мешается в мозгах [Литературное наследство 2016: 898].

Эти строки отчетливо указывают на эмоциональное состояние писателя в конце лета — здесь дневник 1931 г. заканчивается. В следующий раз дневник возникает в середине 1932 г., когда идет тщательная идеологическая проработка и подготовка объединения литераторов в Союз советских писателей. В Дневнике Белого появляется раздел, стоящий особняком («Выступления, прения <1932—1933>»), где писатель ведет учет выступлений на организационных собраниях, докладов и прений. Белый отмечает, что в этот период он участвовал в совещании писателей ГИХЛа, выступал на пленуме Оргкомитета Союза советских писателей и т. д. [см.: Литературное наследство 2016: 748—749]. Судя по содержанию дневника, Белый пытается глубже вмонтироваться в советскую действительность в атмосфере перестройки литературно-художественных организаций [см.: Николеску 2018: 486]. Белый входит в совет Всероссийского общества композиторов и драматургов (Всероскомдрам) [см.: Плотников 2015: 70] наряду с видными деятелями театрального искусства, активно участвует в обсуждениях. Согласно уставу Всероскомдрама, Общество защищало авторские права своих членов (охрана авторских прав осуществлялась через заключение Обществом соответствующих постановочных и иных договоров с театральными и прочими зрелищными учреждениями) и объединяло авторов отдельных видов искусства в следующие секции: секция драматургии, секция кино, секция малых форм, секция критики, секция композиторов [см.: Плотников 2015: 62]. В качестве печатного органа выступала газета «Советское искусство»¹. Белому, опасавшемуся, что преследование антропософов возобновится, и работавшему над книгой «Мастерство Гоголя», договор на которую был заключен с ГИХЛом 8 августа 1931 г., членство во Всероскомдраме давало иллюзию защиты.

При разборе фонда Всероскомдрама в ОР ИМЛИ с. н. с. К. И. Плотников и с. н. с. Н. В. Петрова в ходе первичной обработки нашли машинописные стенограммы. Первая из них — стенограмма доклада Андрея Белого «Гоголь и “Мертвые души” в поста-

¹ В газете «Советское искусство» вышла статья А. Белого «Непонятый Гоголь».

новке Художественного театра», прочитанного 15 января 1933 г. Она представлена в двух экземплярах (ОР ИМЛИ. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 178. № 1. 27 л.; № 2. 21 л.). Вторая стенограмма — запись дискуссии по поводу доклада Белого, проходившей на совещании во Всероскомдраме 26 января 1933 г. (ОР ИМЛИ. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 178. № 3. 43 л.). Копия первой стенограммы доклада легла в основу статьи Андрея Белого «Непонятый Гоголь». Текст дискуссии по докладу Белого впервые был опубликован в № 6 журнала «Литературный факт»² (тексты стенограммы и дискуссии подготовила с. н. с. ОР ИМЛИ Е. В. Безмен). Обсуждение доклада во Всероскомдраме вскрывает специфические особенности взаимоотношений внутри литературного сообщества эпохи, позволяет прояснить как место Белого в литературном процессе и театральной политике, так и нюансы работы Всероскомдрама, мотивы и основания его действий.

Премьера спектакля МХАТа «Мертвые души» в постановке К. С. Станиславского, ставшая началом широкой дискуссии в нескольких институциях, состоялась 28 ноября 1932 г. Первое обсуждение во МХАТе под председательством Вс. В. Вишневского прошло по свежим следам — всего через неделю после премьеры (6 декабря 1932 г.). В «беседе» принимали участие М. А. Булгаков, В. Г. Сахновский (как авторы первоначального плана постановки), К. С. Станиславский, В. О. Топорков (исполнитель роли Чичикова), О. С. Литовский (новый председатель Главреперткома, входивший в секцию критиков Всероскомдрама) и др. [см.: РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 672: 1—7]. Обсуждались прежде всего особенности воплощения К. С. Станиславским «актерского» спектакля и работа режиссера с актерами, перспективы инсценировки «Мертвых душ» (источник представляет собой черновой автограф Вишневского, отражающий основные положения дискуссии; многое, вероятно, не отражено

² См.: Дискуссия по докладу Андрея Белого о постановке «Мертвых душ» в МХАТе / Вступ. ст. Н. А. Дровалева, К. И. Плотникова // Литературный факт. 2017. № 6. С. 281—337.

или опущено). Андрей Белый на встрече не присутствовал, однако разговор о книге «Мастерство Гоголя», которую писатель закончил в первой половине 1932 г., был. В начале «беседы» Вишневский записал: «Мы знаем все о Гоголе, не решаясь прочесть только А. Белого. — м. б. стоило бы» [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 672: 1].

Выступление Белого стало центральным моментом на обсуждении спектакля 15 января 1933 г. во Всероскомдраме³. Вишневский, видимо, ожидал долгого разговора и условился с А. П. Довженко встретиться на докладе Белого о «Мертвых душах»: «Может быть будет глубокий спор» [Николеску 2018: 625]. Заседание было многоязычным. О блистательном разгроме постановки Белым вспоминал С. М. Эйзенштейн [см.: Николеску 2018: 625]. На докладе присутствовал, в частности, писатель Ю. Л. Слезкин (1885—1947), близкий друг и коллега М. А. Булгакова, оставивший следующую запись в дневнике:

Вечером доклад Андрея Белого о “Мертвых душах” Гоголя и постановке их в МХАТе. Битком набито. Мейерхольд, Эйзенштейн, Попова (от Корша), Топорков (играющий Чичикова в МХАТе) <...>

— Возмущение, презрение, печаль вызвала во мне постановка “Мертвых душ” в МХАТе, — резюмировал Белый, — так не понять Гоголя! Так закопать его в золотые, академические ризы, так не суметь взглянуть на Россию его глазами! И это в столетний юбилей непревзойденного классика. Давать натуралистические усадьбы николаевской эпохи, одну гостиную, другую, третью и не увидеть гоголевских просторов <...> гоголевской тройки, мчащей Чичикова-Наполеона к новым завоеваниям... Позор! <...>

Ушел с печалью. Все меньше таких лиц, как у Белого, встречаешь на своем пути... Вокруг свиные рыла — хрюкающие, жующие, торжествующие...» [Цит. по: Булгаков 1989: 241—242].

Белый, в частности, указал на то, что Чичиков и его роль остались непонятыми, живая идея произведения была подменена анекдотичным сюжетом. Через несколько дней после доклада Г. А. Санников писал Ф. В. Гладкову: «Доклад был потрясающий,

³ 27 декабря 1932 г. Андрей Белый написал для газеты «Вечерняя Москва» статью-рецензию «“Мертвые души” в постановке театра им. Горького», которая, однако, не была напечатана.

ничего подобного за все последние годы на литературных собраниях не бывало...» [Гладкова 1978: 175]. На слушателей произвело впечатление не только содержание речи Белого, но и его манера говорить и двигаться во время доклада. А. К. Гладков вспоминал:

Сразу поразили его плавный, грациозный жест и необычайная манера говорить, все время двигаясь и как бы танцуя, то отходя назад, то наступая, ни секунды не оставаясь неподвижным, кроме нечастых, сознательно выбранных и полных подчеркнутого значения пауз. Сначала это показалось почти комичным, потом стало гипнотизировать, а вскоре уже чувствовалось, что это можно говорить только так... Иногда он низко приседал и, выпрямляясь по мере развертывания аргументации, как-то очень убедительно физически вырастал выше своего роста. Он кружился, отступал, наступал, приподнимался, вспархивал, опускался, припадал, наклонялся: иногда чудилось, что он сейчас отделится от пола [Гладков 1986: 279].

20 января 1933 г. в газете «Советское искусство» вышла статья Андрея Белого, носившая заглавие «Непонятый Гоголь» и представлявшая собой отредактированную стенограмму его доклада, где все желающие могли с ней ознакомиться. На 26 января были назначены прения по докладу Белого, которые прошли в кругу критиков и драматургов — членов Всероскомдрама. Мнения Белого на выступлениях и в обсуждении Гоголя имели несомненный резонанс, как и на обсуждении постановки «Ревизора» в конце 1926 г. Однако к началу 1933 г. политическая ситуация в стране изменилась, что сказалось на отношении и к докладу, и к самому Белому. 23 апреля 1932 г. было выпущено Постановление партии «О перестройке литературно-художественных организаций», по которому ликвидировались различные группировки и объединения мастеров литературы и искусства. В этой атмосфере и проходили прения — заседание было многолюдным, хотя не было ни Булгакова, ни артистов, задействованных в постановке (известно, что В. О. Топорков слушал доклад Белого 15 января [см.: Булгаков 1989: 241]). Наибольшее внимание участники дискуссии уделили трем темам: мистике у Гоголя и Белого, социальному вопросу — крестьянским волнениям 30-х гг. XIX в. и наконец образу Костанжогло как предвестника новой формации.

В стенограмме доклада Белого 15 января отражено указание на гоголевскую мистику (один из слушателей выкрикивает: «Мистически!»), однако Белый выступает против такого «обвинения»:

Нет, не мистически и не реалистически. Мистика Гоголя заключается в умении читать детали через микроскоп. Деталь в художественном произведении никогда не бывает случайна. Вопрос в том, чтобы читатель действительно ощупал текст и поставил произведение сообразно с этими деталями. Это совершенно не случайно, а в плане организованной постановки великолепным режиссером Гоголем, когда Чичиков обнаружил впервые свое кривое свойство у Манилова. (До сих пор мы ничего не знаем о Чичикове.) Сейчас надвигается гроза. Тройка сбивается с дороги, темно, боковой ход лошади... при этом все время Чичиков едет боковым ходом и попадает, когда едет к Собакевичу, попадает к Коробочке, едет к Коробочке, попадает к Ноздреву и т<ак> д<алее>. На первом же перегоне от Манилова раздражается гром. Бричка опрокидывается, у Чичикова перемазан бок в грязи. Тройка упирается в ворота. Наконец он входит в неизвестный покой [Дровалева, Плотников 2017: 296—297].

Очевидно, что значимость детали не имеет ничего общего с мистикой. Белый имеет в виду особое гоголевское видение детали — «через микроскоп». Докладчик не только остается непонятым некоторыми слушателями, но и сам обвинен в мистицизме, о чем говорит М. Ю. Левидов, уводя дискуссию в непрофессиональное русло — дальше от опасной темы:

Я попытаюсь, это будет, может быть, встречено в штыки, но я попытаюсь сказать, что мне не нравится в Гоголе, почему я его считаю во многом очень гениальным и во многом очень плохим писателем. Самый метод постановки Белого. Ему здесь бросили слово — мистика. Это нелепое обвинение, но есть мистика, которая происходит от английского слова «мистейк» [«mistake»], что означает [ошибка]. Тогда получается совершенно правильно: у него было столько словесной мистики, столько эквилибристики, что стало невозможно. Говорить о том, что Казань — это наказание, что чубары имеют ведущее значение, что колесо... почему-то в самом начале колесо не дойдет до Казани... можно было проще сказать. Я читал в одной книжке, что «роман», если читать наоборот, получится «амор», тут что-то есть, писал об этом очень талантливый человек Мережковский. Тут что-то есть. По-русски это значит яма, по-японски — гора. Может быть, он сказал это в порядке режиссерского эффекта — тогда другое дело. Но вот это самое «наказание», чубары, попал или не попал, — это типичное свойство гиперболы... [Дровалева, Плотников 2017: 309].

Далее Белый в ответном слове на примере собственных штудий объясняет, что процесс создания произведений — это не мистика, а кропотливый труд. Белого в кон. 1920 — нач. 1930-х гг. часто называли мистиком. Предметом нападок становилась не его литературоведческая теория и даже не связь с антропософами, так как о ней знали немногие, а репутация Белого-символиста. Его называли «мистиком» по инерции. Подобный выкрик был нормальной попыткой задеть Белого. В 1927 г. вышла статья литературоведа и критика И. М. Машбиц-Верова под названием «Блок и современность», представляющая собой вступительную статью к изданию «Блок А. Избранные стихотворения» [см.: Машбиц-Веров 1927]. Белый, прочтя предисловие Машбица-Верова, пришел в отчаяние, так как он обвинялся в мистицизме и дурном влиянии на А. А. Блока. Белый воспринял статью Машбица-Верова как очередное подтверждение тому, что в пространстве советской литературы «мистику» места не предусмотрено [см.: Котрелев 2005].

В атмосфере, «сулящей иллюзии свободы, слово Белого, разрушающее традицию и в понимании творчества Гоголя и в сценической интерпретации его произведения, прозвучало еще более смело, чем на обсуждении “Ревизора”» в 1927 г. [Николеску 2018: 627]. Поэтому некоторые его реплики в ответ на замечания воспринимались острее:

А. БЕЛЫЙ. — Это можно доказать, какое было мракобесие. Вы читаете книгу, а видите фигу.

ПАУШКИН. — Это аргумент очень красочный, но несерьезный. Прочтите переписку с друзьями и там Вы увидите. Каждый из нас читает с точки зрения различных методических установок и видит разное. Поэтому я считаю, что Ваш аргумент несерьезен и недостоин Вашей эрудиции.

А. БЕЛЫЙ. — У меня нет никакой эрудиции [Дровалева, Плотников 2017: 306].

Такой ответ член Всероскомдрама М. М. Паушкин получает после обсуждения социального фона в творчестве Гоголя. В процессе дискуссии литературовед и критик В. В. Ермилов указал на важ-

ность крестьянских восстаний для Гоголя, Паушкин утверждал, что к народным волнениям писатель относился как реакционер, а также полагал, что помещик — это благородный хозяин по отношению к «черномазому» крестьянину, который подчиняется («Такое мракобесие было», — говорит Паушкин).

По свидетельству участника, чей анонимный репортаж был опубликован в «Советском искусстве» 2 февраля 1933 г., дискуссия длилась долго [см.: Литературное наследство 2016: 750]. Белому были брошены обвинения в эстетствующем формализме и завышенных требованиях, предъявленных постановке Художественного театра. Ответные реплики и «заключительное слово Андрея Белого» превратились в оправдательную речь. Писатель отметил подмену литературоведческого анализа поисками революционных настроений в творчестве Гоголя, а Гоголя — «фоном Гоголя». В ответ на обвинения в эстетствующем формализме Белый указал на разницу между «эстетством» и эстетизмом:

Должен сказать, что от эстетства я бежал за границу. В 1909 г <оду> я написал, что нам ближе Чехов, что с этим нежитем Метерлинком нам нечего делать. Стало быть, с этими элементами Мережковского, если и нужно о ком говорить, то рекомендую вам... Есть некоторые вещи, от которых я не отрекусь. Борясь с эстетизмом, мне пришлось захватным правом писать статьи о Гегеле, Каутском. Есть эстетизм, с которым я начал бороться раньше вас. Есть другой эстетизм, который вытекает из бесконечности, конкретности человеческой силы и мощи, тот эстетизм, который покончит с этими формами искусства и выльется в эстетизм, концерт машин, человеческих отношений... За этот эстетизм, за творчество жизни, за безграничные возможности я буду бороться и драться до последних пядей и ничего не отдам [Дровалева, Плотников 2017: 330].

В 1910 г. в статье «Кризис сознания и Генрик Ибсен» Белый писал об эстетизме, в частности, как об умении воспроизводить литературные стили определенной исторической эпохи. Стилизация, основанная на особом эстетическом восприятии эпохи, по Белому, приводит к рождению таких творческих схем, которые не лежат ни в основе какого-нибудь стиля: «Как скоро совершается такой переход к собственному стилю, эстетизм уже не имеет места: всякое сильно выраженное художественное творчество сопря-

жено с выработкой собственного стиля» [Белый 2012: 129—130]. Именно с таким эстетизмом борется Белый и отмечает, что будет бороться за эстетическое познание и «творчество жизни» — творческий акт будущего как эстетический и этический идеал.

Несмотря на оправдательный тон заключительного слова, Белый весьма «остроумно отпарировал обвинения своих оппонентов, указав, что упреки, брошенные ему, в мистицизме и субъективном толковании гоголевского текста ни на чем не основаны» [Литературное наследие 2016: 750]. Восторженный отзыв о докладе Белого оставил в дневнике Вишневский:

Ночь на 27/1 <19>33. Был на дискуссии по докладу Белого. — Перед мастерством, манерой и обликом Белого ужасны эти <1 слово нрзб> Левидовы... — Ермилов был очень корректен, но неоправданно «политграмотен». Метод не тот! Сухо... Белый разбил и покорила аудиторию сиянием, умом, возбужденностью [Корниенко 2015: 246].

Очевидно, что Андрей Белый нашел «молчаливую» поддержку в лице Всеволода Вишневского. Несмотря на напряженную атмосферу и упреки, прозвучавшие на обсуждении доклада, перед Белым, благодаря членству во Всероскомдраме, открылась (хоть и небольшая) возможность участия в литературном процессе, за которую он с радостью ухватился.

СОКРАЩЕНИЯ

Белый 2012 — *Белый А.* Кризис сознания и Генрик Ибсен // *Белый А.* Собрание сочинений. М., 2012. Т. 8: Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей.

Булгаков 1989 — *Булгаков М. А.* Письма: Жизнеописание в документах. М., 1989.

Гладков 1986 — *Гладков А. К.* О Белом // *Гладков А. К.* Поздние вечера. Воспоминания, статьи, заметки. М., 1986.

Гладкова 1978 — *Гладкова С.* Счастье общения // Воспоминания о Ф. Гладкове. Сб. М., 1978. С. 164—186.

Дровалева, Плотников 2017 — Дискуссия по докладу Андрея Белого о постановке «Мертвых душ» в МХАТе / Вступ. ст. Н. А. Дровалевой, К. И. Плотникова // Литературный факт. 2017. № 6. С. 281—337.

Корниенко 2015 — *Корниенко Н.* «Неужели судьба моя — вечно война, о войне...». О дневниках Вс. Вишневского и нашем отношении к истории // Наш современник. 2015. № 12. С. 243—270.

Котрелев 2005 — Андрей Белый. Конспект введения к лекции «Блок». (Тифлис 1927 г.) / Публ. и вст. ст. Н. В. Котрелева // Наше наследие. 2005. - 2005. № 75—76. С. 103—127.

Литературное наследство 2016 — Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х гг. М., 2016.

Малмстад 1993 — Из «секретных» фондов в СССР / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Вып. 12. М.; СПб., 1993. С. 342—361.

Машбиц-Веров 1927 — *Блок А.* Избранные стихотворения / Ред. П. Медведева. Вступ. ст. И. Машбиц-Верова. М., 1927. С. XI—LII.

Николеску 2018 — *Николеску Т.* Белый — театральный критик // Андрей Белый после «Петербурга». М., 2018. С. 617—635.

Плотников 2015 — *Плотников К. И.* История литературной организации Всероскомдрам (по материалам Отдела рукописей ИМЛИ РАН): дис. ... канд. филол. н. М., 2015.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГБ — Российская государственная библиотека.

Информация об авторе: Наталья Алексеевна Дровалева, аспирант II года, научный сотрудник Отдела рукописей Инсти-

тута мировой литературы им. А.М. Горького РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова; Москва, Россия; e-mail: n.drovaleva@mail.ru.

About the author: Natalia A. Drovaleva, postgraduate student, scientific officer at the manuscripts department of A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia; e-mail: n.drovaleva@mail.ru.